

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

УДК 338.22.021.4

БАНК КАПИТАЛА

К.К. ШЕБЕКО¹, О.А. ЗОЛОТАРЕВА¹, А.А. МИНЧЕНКО²

¹Полесский государственный университет,

г. Пинск, Республика Беларусь,

²Гомельский филиал Международного института трудовых и социальных отношений,

г. Гомель, Республика Беларусь

ВВЕДЕНИЕ

Идея Банка капитала принадлежит российским ученым д.э.н. Л.П. Евстигнеевой и д.э.н. Р.Н. Евстигнееву, введшим в оборот данный термин в конце 90-х годов прошлого века. Это было время российского дефолта и сопутствующего ему экономического спада. Огромная волна макроэкономической нестабильности, прокатившаяся по восточноевропейским странам, сделала весьма привлекательной среди постсоветской интеллигенции китайскую двухсекторную модель «государство - рынок», в которой государству отдается явный приоритет. Евстигнеевы высказали аргументированное сомнение в том, что китайская модель сможет эффективно работать в России, Украине и Беларуси. Одновременно они подвергли критике ту версию монетаризма, которая долгое время навязывалась нам западным истеблишментом и которая давно уже просится в учебники по истории экономических учений, но никак не уйдет.

Евстигнеевы высказались за замену системы «рынок – государство» системой «капитал – государство», указывая на главную роль капитала в деле становления действительной макроэкономики. В ряде статей они дали развернутую научную интерпретацию капитала как важнейшего феномена макроэкономической реальности [1]. Полемизируя с промонетаризмом Дж.Р. Хикса и обращаясь к кейнсианской трактовке понятия капитал, российские ученые видят в нем триединую структуру: «капитал на макроуровне как бы расщепляется на свои формы: деньги не как средство платежа внутри товарно-денежного оборота фирмы, а как целостная банковская структура, имеющая двухуровневое строение, капитал в сфере производства, выступающий в форме долговременных производственных активов, которая выражает его как целостность, доход, способный к капитализации и распадающийся в связи с этим на сбережения и потребительский (потребляемый) доход» [1, 12].

Внутренний рынок, по мнению Евстигнеевых, должен быть представлен отдельно товарно-денежными и отдельно финансово-денежными оборотами финансового и производительного капитала, при этом приоритетом должен пользоваться финансовый капитал страны. Их позиция зиждется на двух кейнсианских посылах: 1) конструктивной основой денежных оборотов макроуровня являются активы длительного пользования, способные взять на себя функцию денег; 2) долгосрочные финансовые активы, хотя и конвертируются в деньги, должны иметь свое особое обеспечение производительным капиталом¹ [1, 42]

Большое значение в их концепции придается проблеме спецификации рыночных кругооборотов. «Это предполагает такое видение проблемы, когда, с одной стороны, воспроизводственные механизмы максимизации дохода, максимизации ВВП и максимизации капитала разъединены как самостоятельные кругообороты и не мешают друг другу, а с другой стороны, представляют собой системное целое. В этом случае формируется многоуровневая экономическая система, в которой структурные уровни базируются на своих кругооборотах – капитала, продукта, дохода – и имеют

¹ К сожалению, под вывеской кейнсианства у нас сегодня фигурирует изощренная форма институционализма, задолго до Кейнса проповедовавшая необходимость государственного вмешательства в экономику, а потому приведенная идентификация кейнсианства может показаться странной тем, кто не знаком с духом основного произведения Дж.М. Кейнса. [См. 3, стр. 20]

свои институты, обслуживающие функционирование собственников, соответственно – финансового капитала, производительного капитала и дохода» [1, стр. 145]. По их мнению, национальная экономика должна преодолеть уровень национальной корпорации и стать действительной макроэкономикой. «Макроэкономика устроена сложнее. Ее скелетом являются объединенные в целостную систему кругооборота и обороты капитала, продукта и дохода. Основным объектом регулирования перестают быть пропорции и динамика ВВП, таким объектом становится агрегированное рыночное равновесие функциональных капиталов – финансового, производительного, дохода, включающего капитализацию (сбережения)» [1, 116].

Для формирования и спецификации оборотов производительного капитала ими предлагается 1) массовая приватизация ОПФ и 2) «формирование системы оборотов Банка капитала в сфере производства. Банк капитала сферы производства (БКСП) способен развернуть операции номинального акционирования с одновременным развитием массового рынка корпоративных акций, а также залогового инвестиционного кредитования как в производство, так и для покупки акций... Можно сформулировать простую мысль: проблему экономического подъема можно решать не как преодоление недостатка денежных средств в сфере производства, покрывая дефицит дополнительной эмиссией ЦБ, а как проблему формирования института своих для производительного капитала денег. Образно можно сказать, что ОПФ – это в потенции новые деньги, денежная форма собственности на предприятии, которая, однако, не может обнаружить себя в состоянии покоя, а только в форме комплекса оборотов БКСП» [1, 48].

В другом месте Евстигнеевы задают риторический вопрос и тут же на него отвечают: «Каких денег не хватает – обеспеченных золотом, обеспеченных валютными резервами ЦБ? Не хватает кредитных денег, обеспеченных залогами акций или иных документов собственности, то есть не хватает денег, обеспеченных резервами Банка капитала...» [1, 152].

Однако мы не нашли в текстах Евстигнеевых ответ на вопросы: как же конкретно можно специфицировать оборот производительного капитала, сделав его фундаментом рыночной экономики и почему для осуществления этой миссии нужна отдельная макроструктура.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Общетеоретические предпосылки предлагаемой идеи

Экономическую действительность можно уподобить глобусу, в котором экватором является знаменитая дилемма «ликвидность – доходность», определяющая центробежные силы естественного цикла деловой конъюнктуры. Один полюс экономического глобуса можно назвать абсолютной ликвидностью, или же деньгами², второй полюс служит метафорой для тех активов, которые не имеют рыночной цены, но приносят людям такую пользу, которую нет возможности дисконтировать, т.е. привести к настоящей стоимости (ценности). Если субъекты хозяйствования делают резкий крен в сторону абсолютной ликвидности, наступает рецессия; если, напротив, под воздействием ожесточившейся конкуренции они злоупотребляют экономической безопасностью и утрачивают осторожность, идентифицируется спекулятивный бум, как известно, предшествующий экономическому спаду.

Ликвидным мы считаем тот актив, который можно обменять на любой другой актив без существенной потери его ценности, номинированной в денежных единицах. При прочих равных условиях ликвидные блага просты и хорошо сохраняются. Однако ликвидные блага в среднем характеризуются низкой нормой доходности. Например, денежный агрегат M_0 обладает наибольшей степенью ликвидности, но относящиеся к нему активы не доставляют их собственникам никаких процентов дохода. Если деньги обретают способность приносить доход, то, по крайней мере, они утрачивают определенную степень ликвидности, а значит, в какой-то степени утрачивают функциональную определенность денег. Даже места работы градуируются по данной шкале. Есть такие профессии, которые приносят малый доход, но с ними легко расставаться, поскольку уход с работы не сопряжен со значительными вмененными издержками (пример – профессия сторожа), и есть такие профессии, как, например, профессия хирурга, которая приносит немалый доход, однако

² Напомним, «абсолютная ликвидность» – предикат дефиниции денег в учении Дж.М. Кейнса. С этой дефиницией солидаризируются и авторы.

расставание с этой профессией хотя бы на короткий срок чревато огромными вменными издержками для обладателя данной профессии (время учебы, утрата квалификации).

Абстрагировавшись от самих полюсов экономического глобуса, можно сделать вывод, что каждое из экономических благ обладает той или иной степенью ликвидности и способно приносить либо личный доход, либо общественную пользу. В экономической действительности благо утрачивает кванты ликвидности по мере того, как происходит движение по меридиану экономического глобуса к более сложным структурам, в силу 1) эффектов информационной асимметричности; 2) повышенной хрупкости; 3) повышенного риска морально устареть.

Информационная асимметричность имеет место, когда одна из сторон торга, как правило, покупатель, имеет ущербное представление о качестве продаваемого товара или услуги и, страхуя себя от неверного выбора, занижает цену спроса. В результате на рынке происходит *ситуация неблагоприятного отбора*: продавец, реагируя на заниженную цену, придержит хороший товар и пустит в оборот товар пониженного качества, тем самым оправдывая опасения покупателя и усугубляя кризис доверия. Для существа затронутой нами проблемы имеет значение то обстоятельство, что ценовая асимметричность, а значит, и кризис доверия, преодолевается институциями гарантий, высоким качеством информации о продаваемых товарах и услугах, а также атмосферой взаимного доверия. Это означает, что все перечисленные составляющие инфраструктуры торговли сложными товарами повышают степень их ликвидности. Отсюда нам да позволено будет сделать следующий вывод: *нет ликвидности как таковой, нет ликвидной субстанции – есть ликвидное поле, слабое или интенсивное в зависимости от наличия или отсутствия взаимного доверия между контрагентами, институций гарантий и поручительств, качества информации об экономических благах.*

Присутствие в *микроэкономическом* поле ликвидных благ доставляют их собственникам так называемую премию ликвидности, являющуюся особым потребительским качеством ликвидного блага, которое следует отличать от традиционных потребительских свойств продуктов, произведенных посредством капитальных благ. Несложно, например, идентифицировать весь ценностный спектр потребительских качеств продукции, выпускаемой промышленными предприятиями, гораздо труднее понять, что сами ОПФ представляют собой автономную ценность, порождаемую тем, что они могут становиться ликвидными благами. Эта ценность актуализируется, когда капитальные блага становятся предметом частной собственности. Их можно отдавать в залог, они доставляют собственнику уверенность в себе и в будущем, поскольку проясняют экономический горизонт, подчеркивают социальную значимость собственника. Иными словами, *если производственное предприятие, выпускающее определенный объем продукции, акционизируется и оказывается в рыночном обороте и при этом выпускает тот же объем продукции, что и раньше, всё-таки происходит некий прирост благ, притекающий из обретения предприятием качества ликвидности.*

Присутствие в *макроэкономическом* поле ликвидных благ редуцируется к эмиссионному доходу и тому или иному изменению предельной склонности к сбережению. Эмиссионный доход имеет место и при включении в оборот совершенно неликвидных благ, но, если имеет место расширение кругооборота ликвидных благ, уровень монетизации в экономике повышается экспоненциально в силу того, что сами ликвидные блага служат заменителями денег. В этом смысле тезис Ф. Хайека о полной взаимозаменяемости ликвидных благ и денег звучит вполне убедительно. Например, приобретая акции отечественных предприятий, домашние хозяйства могут уменьшить норму своих сбережений и соответственно увеличить норму потребления располагаемого дохода. Может случиться и совершенно иная ситуация, когда появление на рынке крупномасштабных ликвидных благ, например, земли, побудит домашние хозяйства увеличить норму своих сбережений (мотив планируемых крупных покупок), что замедлит скорость денежной массы и позволит центральному банку ввести в оборот дополнительное количество экзогенных денег или кредитной массы без каких-либо инфляционных последствий.

Ликвидные блага включаются в оборот двумя способами: либо будучи произведенными, либо приобретая определенную степень ликвидности, например, посредством приватизации. Поскольку мы используем кейнсианскую дефиницию денег и склонны идентифицировать в качестве элемента самого широкого денежного агрегата L и те ликвидные блага, которые выполняют функции денег, логично придерживаться классификации «экзогенные и эндогенные деньги». Экзогенными деньгами принято обозначать ту ликвидность, которая узаконена в качестве платежного средства и

запускается в экономику центральным банком. Эндогенными деньгами будем называть ту ликвидность, которая формируется в самой экономике. Например, жилье, выступая в качестве залогового средства, тем самым осуществляет функцию, в которой с определенной поправкой можно узнать функцию обращения денег.

Мы выделяем эндогенные деньги в особый класс макроэкономических объектов, акцентируя внимание на свойстве ликвидных благ придавать денежной массе материальную инертность стабильности. Так, например, если ссуда выдается под залог ликвидной ценности, то обеспечением кредитных денег, их подлинной базой оказывается отданная в залог ценность, обладающая качеством ликвидности. И если нет полноценного рынка и полноценной частной собственности, то способность банковской системы мультиплицировать неинфляционную денежную массу резко ограничена. Другой пример: в эпоху золотого стандарта на каждой денежной купюре значилось весовое количество золота, на которое каждый гражданин мог обменять эту купюру, и все же подлинными деньгами были слитки золота, а не денежные купюры. И только через десятки лет, по мере формирования массового доверия к бумажным деньгам и денежно-кредитной политике с двухуровневой банковской системой, бумажные купюры перестали быть сертификатами находящегося в виртуальном обращении золота, но подлинными фидуциарными деньгами. Евстигнеевы правы, когда, ссылаясь на теорию денег Дж.М. Кейнса, отмечают: «В кейнсианском цикле индустриальное ядро экономики формирует мощный инвестиционный спрос и в этом смысле способно себя финансировать, развивая кредит под залог капитала. Кредитная сфера становится сферой свободного денежного капитала» [1, 135].

Назовем возможность центрального банка увеличивать или уменьшать денежную массу в корреляции с интенсивностью и экстенсивностью оборота ликвидных средств в экономике чистым эффектом денежно-кредитной политики, состоящим в целеполагаемом увеличении уровня монетизации национальной экономики. Категория идентифицируется в противовес более распространенной ситуации, в которой деньги включаются в оборот либо уходят из него в корреспонденции с возникающими или погашающимися обязательствами. Можно только догадываться, насколько увеличатся возможности государства повышать денежное предложение в стране без каких-либо инфляционных последствий, если удастся создать самостоятельные обороты структурного и человеческого капитала, а также зданий, сооружений и земли. Речь идет о десятках миллиардов долларов, которые можно будет превратить в прямые инвестиции в национальную экономику.

2. Специфика Банка капитала

В этой главе мы намерены показать микроэкономическую миссию Банка капитала, однако предварительно следует обозначить наше понимание природы самого капитала.

Итак, на макроуровне капитал распадается на три сущностных момента: 1) финансовый капитал, воплощающий собой качество ликвидности, 2) стохастические потоки будущих доходов от эксплуатации капитала и – тут обозначается наше расхождение с нашими учителями, Евстигнеевыми Л.П. и Р.Н. – 3) предпринимательская способность. Последняя категория, будучи шире, чем категория производительного капитала, на наш взгляд, более пригодна на роль среднего термина в капитальном силлогизме, нежели производительный капитал. Далее, развертывая нашу аллегорию экономического глобуса, отметим, что капитал есть то, что находится внутри него, и весь рельеф экономической действительности определяется его подземными движениями.

Когда предпринимательская идея выражена явственно, столь же явственно выражена стратегия предпринимательства, очерченная хрестоматийными принципами инвестиционного проектирования. Однако примерно 95% энергии предпринимательства тратится на поиски предпринимательской идеи, и эти издержки не формализованы современной экономической наукой. Только когда предпринимательская идея обретена предпринимателем, начинается регламентированная позитивным методом экономической теории сфера, в которой речь идет уже о вполне формализованном производительном капитале.

Почти в каждом учебнике по инвестиционному проектированию есть глава или раздел под названием «Прединвестиционная фаза», в котором дается определенная классификация трудностей, сопряженных с уяснением миссии предприятия, но, как правило, все это ретроспективно привязано к конкретной бизнес-идее. Например, сегодня человек видит свой бизнес в том, чтобы выращивать голубику. Он изучает все, что относится к этому делу, мобилизует свои ресурсы, и вот мы имеем прединвестиционную фазу его бизнеса. Но ведь до того, как началась подготовительная

стадия бизнеса по выращиванию голубики, человек долго учился, рассматривал другие варианты бизнеса, осуществлял сбережения, отказываясь от иных способов инвестирования, и все это не вменяется в качестве его бухгалтерских издержек в конкретном деле выращивания голубики. А еще больше случаев, когда человек ищет и ничего не находит из того, в чем смутно видит свое призвание, и вот он работает на той работе, которая ему абсолютно неинтересна, и тогда мы имеем самую неисследованную и самую масштабную из всех видов безработицы – бездействие творческой, предпринимательской способности человека, пагубными волнами проходящее по всей личности.

На стадии поиска предпринимательской идеи еще нет предпринимателя. Предприниматель появится тогда, когда обозначится система позитивных стимулов, навеваемая присутствием предпринимательской идеи, и будет в наличии стратегия максимизации возможностей. Здесь же все наоборот: человек учится, ищет, сберегает – в общем, *расширяет круг своих возможностей с тем, чтобы потом резко их ограничить рамками только одного варианта*. Это значит, что здесь фиксируется точка, в которой происходит нечто иное, нежели стратегия расширения возможностей, составляющая суть предпринимательства, – сужение возможностей вплоть до полной идентификации человека в качестве предпринимателя. И если экономической теорией следует считать исследование типичного поведения человека по максимизации своих возможностей, то надо будет констатировать, что вся проблематика становления ответственности бизнеса носит трансцендентный характер. В этом смысле движение человеческого капитала к предпринимательской идее или в отчаянии – от нее, есть темная материя экономической теории. Это ядро экономического глобуса, никак не проявляющееся на поверхности его.

И всё же позитивные контуры и возможность научной формализации здесь прощупываются. Прежде всего, отметим бифуркацию факторов, обуславливающих эффективный поиск предпринимательской идеи:

- чем более образован человек, чем более широким спектром экономических знаний он располагает, тем больше у него шансов обрести предпринимательскую идею;
- чтобы начать сам бизнес, надо уметь решиться отбросить все остальные варианты, а это не что иное, как способность взять на себя риск и ответственность.

Речь идет именно о бифуркации, потому что вместе с нарастанием возможностей возрастает трудность выбора, а стало быть, ослабляется способность действовать, ибо каждое действие есть отказ от множества альтернатив, и чем их больше, тем больше вмененные, внебухгалтерские издержки конкретного действия. *Аналитический паралич* идентифицируется при катастрофическом избытке возможностей, так что действие, как чреватое огромными вмененными издержками, постоянно откладывается. В периоды макроэкономической нестабильности вероятность аналитического паралича усиливается, а потому эта категория особенно уместна при объяснении того, почему в смутные 90-е годы успеха в бизнесе добивалась отнюдь не рафинированная постсоветская интеллигенция, а те, о ком потом складывали анекдоты.

Наша экономическая действительность переполнена информацией. Каждый может получить адекватное экономическое образование. Но желающих заниматься бизнесом не так уж много. Может быть, виновата внешняя среда – налоговая система, засилье государственного сектора с его консолидированной бюрократией, ликвидные риски? По нашему мнению, все эти негативные факторы, конечно же, есть и весьма весомы, но они обусловлены все той же темной материей предпринимательства. Никакие институциональные реформы не в состоянии радикально изменить производственные отношения, если большинство из потенциальных субъектов хозяйствования не готовы взять на себя ответственность за судьбу значительного капитального имущества. Власти давно поняли необходимость экономической либерализации и медлят во многом потому, что угадывают катастрофическую неготовность народа взять на себя бремя частной инициативы, порожденную гиперопекой радикального институционализма.

В микроэкономическом поле следует абстрагироваться от проблемы стартового капитала, от проблемы «нехватки денег», так как эта проблема нейтральна для того микроэкономического контекста, в котором теперь пребываем. (Нехватка денег была и сто, и двести лет назад, – редкость ресурсов неразрывно связана и с феноменом предпринимательства, и с его ноуменом.) И тогда оказывается, что единственной проблемой, решение которой откроет путь радикальным институциональным реформам, является проблема формирования решимости заниматься бизнесом и умения брать ответственность на себя у достаточно широкого слоя общества. Решимость формирует-

ся, *во-первых*, постепенностью принятия на себя ответственности. От одного качественного состояния к другому качественному состоянию можно прийти только количественно. Сначала самостоятельность субъекта хозяйствования должна носить условный характер, а потом все более действительный. *Во-вторых*, ассоциативностью в принятии решений. Вместе ответственность переживается значительно легче.

Итак, миссия Банка капитала (далее – БК), призванного развернуть массовый оборот финансового капитала, фиксируется в особенностях привлечения денежных средств, а также в анализе инвестиционных проектов, который должен учитывать меру готовности потенциальных субъектов хозяйствования к инвестированию.

Потенциальным инвесторам предлагается система предпринимательских идей, реализация каждой из которых сопряжена со значительным мультипликативным эффектом, а также тех, которые, взятые в обособлении друг от друга, оказываются бесперспективными, но, будучи объединенными в рамках единого проекта, – заслуживают серьезного отношения. Например, потенциальный инвестор хочет заниматься агротуризмом, но денег у него хватает только на один домик, который может безнадежно затеряться где-то в полесской глуши. Но, если он найдет единомышленников, возможна будет перспективная бизнес-ассоциация под названием «Полесская веска» и даже выпуск собственных акций. Однако умение организовываться в деловые сообщества – это самое слабое место постсоветского общества, страдающего от массового недоверия и хронической нерешительности. Поэтому начинать следует все-таки с общей идеи, и если потенциального инвестора заинтересует эта общая идея, он сможет разместить свой депозит в БК в соответствующей нише. Подобно тому как ОАО «АСБ Беларусбанк» осуществляет проект строительных сбережений, в рамках предлагаемой модели денежные средства потенциальных инвесторов, размещенные напротив того или иного инвестиционного проекта, выполняют отчасти залоговую функцию, выявляющую меру серьезности намерений клиентов БК, отчасти индикативную функцию, позволяющую аналитикам БК правильно определять качество конкретного инвестиционного проекта. До принятия решения о реалистичности инвестиционного проекта не следует мешать капиталам перемещаться по всей системе предпринимательских идей сообразно смене приоритетов потенциальных инвесторов. Тем самым будет сохраняться ликвидность денежных вложений. Это предназначено для того, чтобы уменьшить трудность выбора потенциального инвестора, ибо, напомним, выбирать трудно, когда выбор сопряжен с бесповоротным отказом от альтернатив.

Выбор потенциального инвестора оказывается условным, имплицитным: если другие потенциальные инвесторы поддержат его решение своими имплицитными вложениями, проект может быть поддержан БК. Таким образом, в рамках предлагаемой модели множество имплицитных инвестиций складывается в порции реальных инвестиций.

Данный принцип привлечения денежных ресурсов БК со временем позволит уменьшить степень информационной разорванности частной экономической жизни нашего общества, так и не преодолевшей кризисного состояния. В результате «...достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости». [2, 514] Именно такой контекст содержится в речениях Дж.М. Кейнса о преодолевающей кризис коллективной воле, а не тот, что приписывается ему задним числом идеологией институционализма.

Предлагаем общую форму как упомянутого информационного кризиса, так и пути его преодоления.

Допустим, три потенциальных инвестора оценивают конкретный инвестиционный проект. Пусть первый инвестор полагает, что проект вполне перспективен и готов честно работать и вкладывать свои средства в этот проект, но при условии, что второй и третий инвестор поддержат проект тоже. Пусть второй инвестор полагает, что проект вполне перспективен и готов честно работать и вкладывать свои средства в этот проект, но при условии, что первый и третий инвестор поддержат проект тоже. И пусть третий инвестор связывает свое участие с проектом с добросовестным участием в проекте первого и второго инвестора. Однако каждый из них полагает, что остальные два инвестора либо откажутся поддерживать проект, либо будут вести себя недобросовестно по отношению к нему. Возникает так называемый парадокс голосования: каждый из инвесторов готов честно работать на проект и вкладывать в него деньги, но каждый из них полагает, что проект нереалистичен в силу информационной разорванности, порожденной недоверием. И про-

ект будет отвергнут, если не найдется семантического поля, в котором проявится совпадение их личных приоритетов.

Таким образом, парадокс голосования преодолевается созданием такого информационного пространства, в котором каждый из инвесторов декларирует свои намерения и предоставляет гарантии своей решимости инвестировать.

Чтобы продемонстрировать, насколько велико значение в нашем обществе обозначенной нами информационной асимметрии, приведем другой пример. Допустим, на референдум выставляется вопрос о частной собственности на землю и лесные угодья Республики Беларусь. Какой будет результат такого референдума, нетрудно догадаться: частная собственность на землю будет отвергнута большинством голосов. Об очевидности такого исхода свидетельствует то, что ни одна из политических партий у нас сегодня не решаете поставить вопрос о частной собственности радикально. А теперь несколько изменим условия референдума: допустим, на всеобщее голосование выставляется вопрос: отдавать ли в частную собственность по гектару земли на каждого белоруса, который тот будет иметь право либо продать, либо оставить у себя. Опять-таки результат референдума окажется вполне предсказуемым, но это будет уже совершенно иной результат³. Можно сделать вывод, что если белорусы настроены против частной собственности на землю, то лишь потому, что не верят, что другие субъекты хозяйствования дадут им возможность воспользоваться этой частной собственностью.

Внимательно присмотревшись к последнему примеру, можно увидеть в нем аналог парадокса голосования: субъекты хозяйствования и домашние хозяйства не против своей частной собственности, они уверены, что реализация данного проекта не даст им воспользоваться частной собственностью. Столь подробное разъяснение нам понадобилось для того, чтобы зафиксировать и другую аналогию. Дело в том, что парадокс голосования нарекает всю диалектику общественных благ – тех благ, которые должен производить государственный сектор, поскольку рынок их производить не может. Рынок не в состоянии производить общественные блага в силу того, что они не подчиняются принципу исключения «зайцев». Большинство экономических агентов не стали бы добровольно оплачивать, например, функционирование учреждений по охране общественного порядка, несмотря на то, что понимают, насколько важна эта сфера, – не стали бы в силу убежденности, что другие не поддержат «немногих добровольцев», а значит, «одни его добровольные взносы абсолютно бессмысленны». И, если подобного рода мотивы движут экономическими агентами в реальном секторе, в категорию общественных благ попадут те блага, которые в развитых экономиках производит частный сектор. Но верно и обратное: если удастся псевдообщественные блага встроить в рыночный оборот посредством системы имплицитивных инвестиций, можно будет освободить государство от того, что весьма обременяет его и делает государственный сектор источником политических рисков.

Итак, в микроэкономическом поле БК обнаруживает следующие преимущества:

- позволяет потенциальному предпринимателю найти не просто предпринимательскую идею (ее можно и в Google найти), а одетую в коммерческую оболочку свою предпринимательскую идею, ибо рынок бизнес-идей еще до начала их реализации станет индуцировать мощные потоки информации;
- значительно уменьшит предпринимательский риск, не уменьшая ответственности, которая будет квантифицирована рынком бизнес-идей;
- анализ проектов будет в меньшей мере порождать риски и паралич воли (феномен аналитического паралича), ибо будет отчасти основываться на способности инвестора брать ответственность на себя;
- значительную часть псевдообщественных благ, выведенных из рыночного оборота в силу парадокса голосования, можно опять заключить в рыночный оборот.

3. Банк капитала как макроэкономический субъект

Когда возникает вопрос об основной цели макроэкономической политики, часто следует простой ответ: интенсификация экономического роста, максимизация потребительских благ. Полагаем, что такой ответ слишком простой. Нынешняя стадия экономического развития тем и характерна, что такие потоковые показатели, как ВВП отходят на задний план и имеют центральное значе-

³ Это только пример. Мы против того, чтобы каждому белорусу раздали по гектару пахотной земли.

ние только в слаборазвитых и отчасти в среднеразвитых странах. Потому что чем сложнее экономика, тем больше она выходит за пределы количественного измерения. Можно производить из года в год одно и то же количество автомобилей, компьютеров, кинофильмов и продавать их по сопоставимым ценам, но каждый следующий год это будут качественно иные автомобили, компьютеры и кинофильмы. Нет и не может быть таких потоковых показателей, которые справились бы с этой проблемой.

Основная цель макроэкономической политики – полная занятость всех имеющихся в экономике ресурсов, главным образом, человеческого и структурного капитала. В корреспонденции с растущим качеством потребления труд все больше должен заменяться творчеством и предпринимательством. Причем само творчество и предпринимательство должно обеспечить реализацию этой цели. Чтобы избежать тавтологии, выразимся сложнее: макроэкономическая политика должна обеспечить такой эффективный спрос, который обусловил бы полную занятость имеющихся в экономике ресурсов.

Если в экономике доминирует экзогенный совокупный спрос, мы имеем корпоративную стратегию, достигшую уровня государственной политики: государство обуславливает приток в экономику твердой валюты в форме валютной выручки предприятий и прямых инвестиций, способствует модернизации предприятий и достигает полной занятости. Мы сомневаемся в том, что стратегия сугубого акцента на экзогенном совокупном спросе может принести успех. В качестве примера можно указать на опыт Испании XVI века, страны, которая вступила в эпоху упадка именно тогда, когда самая дерзновенная мечта меркантилизма, владевшего в то время умами государственных хозяйственников, сбылась: в экономику страны влилось огромное количество «твердой валюты» – золота, добытого в американских колониях. В результате стоимость рабочей силы и услуг в Испании резко повысилась, а конкурентоспособность соседних европейских государств возросла...

Совокупный спрос становится эффективным, когда он во многом определяется эндогенно, а именно: проснувшаяся предпринимательская способность приводит в движение финансовый капитал, который, в свою очередь, обеспечивает обращение экзогенных и эндогенных денег, концентрирующихся в эффективный спрос, еще более активизирующий предпринимательскую способность, придавая ей массовость и институциональную оформленность. Таким макроэкономическим институтом призван стать Банк капитала.

Цель – преобразование иерархичной корпоративной экономики в синергетическую макроэкономику, осевой категорией которой является категория взаимодействия: эффективный спрос активизирует капитал, капитальные обороты обеспечивают эффективный спрос, возникающее противоречие сублимируется Банком капитала. Мы описали не что иное, как большой макроэкономический кругооборот, существующий во всех развитых странах.

Отметим те функции БК, которые позволяют придать нашей макроэкономике законченность и оформленность:

А. Резкое повышение уровня монетизации экономики без инфляционных последствий.

Физическое или юридическое лицо, планируя сделку по приобретению крупного объекта, аккумулирует значительное количество денежных средств. Когда подобного рода сделки обретают повышательную тенденцию, оборот денежной массы начинает резко замедляться, и это предоставляет государству возможность иметь дополнительный крупный эмиссионный доход без каких-либо инфляционных последствий. В развитых странах эффекты замедления денежного оборота не оказывают значительного воздействия на экономику либо в силу того, что изначально степень рыночности экономики у них была достаточно велика, либо потому, что они уже прошли этот путь. Именно благодаря широкой вовлеченности крупного капитала и земли в рыночный оборот уровень монетизации экономики развитых стран выше не менее, чем в 10 раз, нежели уровень монетизации постсоветской экономики. Таким образом, фиксируются дополнительные положительные стимулы к радикальному расширению процесса приватизации в экономике и социализации инвестиций, ибо новому потоку рыночных благ - капиталам – должен соответствовать дополнительная денежная масса в экономике. И БК предоставит возможность установить соответствие потоков новых денежных средств и новых инвестиционных товаров. Эмиссионный доход должен доставаться потенциальным инвесторам, а именно: субъектам хозяйствования, прошедшим экспертизу в БК, должны быть предоставлены льготные кредиты. Источник льгот - дополнительный уровень монетизации от введения в оборот новых порций капитальных благ.

Б. Макроэкономическая дискреция

В период спекулятивного бума следует проводить сдерживающую бюджетно-налоговую политику (далее – БНП) и ограничительную денежно-кредитную политику (далее – ДКП), во время рецессии макроэкономическим мейнстримом, напротив, рекомендуется экспансионистская бюджетно-налоговая политика. Однако в восточноевропейских странах имеются значительные ограничения на проведение расширительной ДКП, обусловленные режимом суррогатного фиксированного валютного курса, тогда как экспансионистская БНП в наших условиях чревата внушительным эффектом вытеснения. Что ж остается? Остается либо пассивно ждать улучшения мировой деловой конъюнктуры, минимизируя совокупные издержки национальной экономики, либо уповать на помощь со стороны международных финансовых организаций. Последние могут выдать кредит, позволяющий увеличить валютные резервы страны, и проводить эдакий суррогат расширительной ДКП, способный лишь в очень незначительной степени понизить процентную ставку. Однако повсеместное увеличение валютных резервов, обретая глобальный макроэкономический контекст, увеличивает тяжесть мировых денег, главным образом, американского доллара и евро, обеспечивая Соединенным Штатам и объединенной Европе значительный эмиссионный доход, на часть которого можно было бы претендовать и нам.

В рамках нашего предложения БК, имея сотовую структуру, образованную множеством уставных фондов АО, по договоренности с организациями и в соответствии с проведенным анализом положения дел на каждом из предприятий мог бы проводить во время рецессии своеобразный аналог расширительной ДКП, скупая акции и тем самым обеспечивая вливания денежной массы в экономику, или поддерживать курс акций конкретного предприятия в заданном коридоре. Денежные вливания в экономику со стороны БК не будут нести инфляционного заряда при увязке дополнительной денежной массы с повышательной тенденцией на фондовом рынке. Как известно, при соблюдении определенных условий повышение фондовых индексов блокирует развитие инфляции.

В других странах государство располагает возможностями и теперь скупать акции, оказывая помощь попавшим в беду предприятиям, и это не раз практиковалось в разгар финансового кризиса. Однако подобного рода политика сопряжена с эффектом положительной дискриминации, а именно: помощь со стороны государства – свидетельство для всего внешнего окружения того, что предприятие работает плохо, и это чревато оттоком капитала с предприятия. И не случайно, что многие организации в Соединенных Штатах стремятся поскорее вернуть то, что получили от государства во время кризиса. В контексте нашего предложения скупка акций со стороны БК осуществляется в корреляции с объемом ликвидности, расположенной напротив функционирующих инвестиционных проектов. Так что возникает следующая зависимость: чем больше интерес потенциальных инвесторов к определенной предпринимательской идее, тем значительнее объем ликвидности, расположенной в БК напротив этого проекта, тем большую помощь может оказать БК, скупая часть этих акций во время рецессии. Так что здесь все наоборот: скупка части акций со стороны БК – свидетельство привлекательности данного инвестиционного проекта.

В. Приватизация

Основная причина медленного развития приватизации в нашей республике состоит отнюдь не в нехватке денег, а в асимметричности информации на рынках капитальных товаров: продавец знает о своих капитальных товарах почти всё, а покупатель – почти ничего (с учетом внешних рисков). Поскольку информационные разрывы на рынках преодолеваются институциями гарантий, представляется очень важным, что в контексте нашего предложения система гарантий в виде сбережений, позиционируемых напротив каждого из проектов, начинает функционировать до продажи или передачи предприятия в частную собственность. В свою очередь, система ликвидных гарантий обеспечит условия для формирования *доверия* между сторонами, наиболее важного фактора в деле приватизации.

Поскольку весьма значительная часть денежной массы будет скована крупномасштабным оборотом приватизируемых средств производства и земли, можно значительно увеличить располагаемые доходы наших субъектов хозяйствования посредством выпуска дополнительной номинальной денежной массы на ту величину, которая соответствует массе задействованного в макроэкономическом обороте капитала. Посредством определенной схемы приватизации можно увеличить и массу обращающегося в экономике капитала, и денежную массу, связывая их обоюдно синергетическим принципом взаимодействия: номинальная денежная масса обретет реальную цен-

ность, будучи привязанной к капитальным благам, капитальные блага получают динамичность в более пространной денежной среде.

Если дополнительная эндогенная и экзогенная денежная масса, оказавшись в распоряжении потенциальных инвесторов, пойдет на покупку иностранной валюты или для строительства трехэтажных особняков, то это будет означать, что оборот капитальных благ недостаточно специфицирован. С другой стороны, в восточноевропейских странах иностранная валюта и недвижимость потому и пользуются столь большой привлекательностью, что у отечественных потенциальных инвесторов нет достойных альтернатив. Задача состоит в том, чтобы дополнительная денежная масса направлялась в основном на покупку капитальных благ и инвестиционных благ и обслуживала их оборот. И мы полагаем, что создать захватывающий инвестиционный проект только и можно тем, кто способен хотя бы на миг абстрагироваться от его доходной составляющей. Дж.М. Кейнс: «Если бы человеку по его природе не свойственно было искушение рискнуть испытать удовлетворение (помимо прибыли) от создания фабрики, железной дороги, рудника или фермы, то на долю одного лишь холодного расчета пришлось бы не так уж и много инвестиций» [2, 340]. Конкурс выявит тех инвесторов, которые не считают бессмысленным это удовлетворение-помимо-прибыли, а для пущей надежности свяжет их определенными обязательствами.

В планах крупномасштабной приватизации как-то сама собой укоренилась точка зрения об ущербности внутреннего инвестирования, убежденность в недостаточности ресурсов отечественного инвестора для того, чтобы быть равноправным участником рынка крупных капиталов. В основном делается ставка на иностранного инвестора.

Мы не против иностранных инвесторов, особенно в таких базовых отраслях, как энергетика, но, чтобы цены на наше капитальное имущество были одновременно и достойные и рыночные, следует сделать так, чтобы внутренний инвестор составлял хоть какую-то конкуренцию внешнему инвестору. А если его нет, то следует произвести сильного внутреннего инвестора на «фабриках» БК. Мы полагаем, что это вполне возможно.

Г. Регулятор будущего фондового рынка

Все слышаны о биржевых медведях, которые с треском могут обвалить наш только начинающийся фондовый рынок и о сомнительности портфельных инвестиций и о многом другом. И всё же не следует забывать, что есть инструменты хеджирования, которые в состоянии противостоять разрушительным биржевым спекуляциям. Например, если субъект хозяйствования опасается падения стоимости акций, он может купить опцион пут на продажу акции по цене исполнения. И тогда он не будет бояться падения акций. Если он предвидит повышение курса акций, он может купить опцион колл на покупку акций. В результате у инвестора исчезнет страх, а ведь именно страх – причина нестабильности фондового рынка. В принципе деривативы могут стабилизировать рынок в макроэкономическом плане. На Западе иная ситуация: там рынок деривативов перестал.

Теперь смоделируем ситуацию, в которой инструменты хеджирования, оказавшись в арсенале менеджмента БК, служат не микроэкономическим целям, а макроэкономическим. В рамках данной модели, предприятие, опасющееся падения курса его акций, должно образовать фонд, который противодействовал бы этой тенденции, скупая акции. И тогда само существование этого фонда будет иметь стабилизирующее значение. Если этот фонд обособлен от предприятия, внешне образование фонда выглядит как покупка эдакого большого «опциона» на продажу акций. Предприятие имеет право иметь резервный фонд, стабилизирующий курс акций этого предприятия. Но есть, по крайней мере, две причины, по которым оказывается, что предприятию выгодно иметь этот большой опцион в составе Банка капитала. Во-первых, во время спекулятивных бумов обостряется конкурентная борьба, мешающая предприятию создать достаточный стабилизационный фонд. А ведь именно во время спекулятивных бумов случаются катастрофы на фондовом рынке. Во-вторых, централизация стабилизационных фондов иногда дает потрясающе большой эффект. Например, в XVIII веке золотая монета требовала в самой себе обеспечение, и требовалось очень много золота для организации денежного обращения, а уже в XIX веке вместо золотых монет фигурировали банкноты, на которых было написано: «обменивается на такое-то количество золота», и золота теперь требовалось в несколько раз меньше, чтобы обеспечить функционирование системы золотого стандарта. Другой пример. В начале XX века каждый банк держал крупные резервы на случай банковской паники, и всё равно нестабильность банковской системы была очень большой. Но потом появилась двухуровневая банковская система с институцией обязательных резер-

вов, и положение банковской системы значительно стабилизировалось. Стало быть, следует подумать о том, чтобы в преддверии широкой социализации инвестиций, которая уже давно назрела, ввести централизованный стабилизационный фонд в составе БК.

В Банке капитала можно учредить и своеобразный аналог коллективного опциона колл. Что-то вроде потребительской кооперации по покупке акций. Предложение разместить свои депозиты для портфельных инвесторов как плата за то, чтобы купить акции по цене исполнения. Таким образом, покупатели будут страховать себя, используя ставшие уже классическими инструменты хеджирования. А Банк капитала получит возможность регулировать фондовый рынок.

Здесь Банк капитала еще раз показывает свою способность преодолевать временные парадоксы. Ведь обычно, прежде чем создается рынок деривативов, должен быть создан рынок акций. Но парадокс в том, что у нас очень трудно сделать полноценный фондовый рынок без надежных инструментов хеджирования. Банк капитала призван поместить эти две проблемы в одно информационное и временное пространство. У нас есть предприятия, которые в будущем будут играть роль голубых фишек. Например, Беларуськалий. Очень многие знают о перспективном будущем этого предприятия, несмотря на теперешние временные трудности. И вот допустим, желающие купить акции Беларуськалия, размещают свои депозиты в БК напротив проекта массового выпуска акций этого предприятия. Здесь некоторое ограничение ликвидности денежных средств желающих приобрести акции Беларуськалия по цене исполнения, или по номинальной цене, есть плата за коллективный опцион колл. Я надеюсь, что у нас найдутся и другие голубые фишки, который сформируют посредством БК оболочку опционов вокруг себя. И тогда БК получит возможность установить пороговые значения изменения курса акций предприятий по договоренности с предприятием, а также руководствуясь собственным анализом финансового положения предприятия. Возникнет база для проведения активистской политики регулирования фондового рынка, - аналог денежно-кредитной политики.

Таким образом можно одновременно формировать и рынок акций, и рынок деривативов, а у нас это надо делать одновременно.

Есть обязательное страхование, например, личного транспорта, жизни, здоровья, – пусть будет и обязательное хеджирование оборота акций лишь немногим, по сути, отличающееся от биржевого хеджирования. Это сделает возможным реализацию политики социализации инвестиций. Пусть у нас в стране будут сотни тысяч акционеров. Но прежде пусть объединения потенциальных инвесторов формируются в депозитарной системе БК. Уверена, возможность эффективно управлять портфельными инвестициями есть.

Д. Учет и использование эффектов агрегирования

Отличие БК от обыкновенного коммерческого банка или же инвестиционного фонда состоит в учете трудностей агрегирования: финансируя каждый из предлагаемых проектов в отдельности, можно увидеть их убыточность в микроэкономическом аспекте, особенно в кризисные времена. Однако, объединенные в рамках одного проекта, предъявляя спрос на продукцию друг друга, предприятия могут обусловить прибыльность и всего проекта в целом, и каждого из них в отдельности.

В принципе и правительство, и крупные коммерческие банки и теперь могут воздействовать на так называемые «точки роста» и рассматривать проекты, обладающие высоким коэффициентом взаимной корреляции, но аналитика БК получит возможность быть более адекватной хотя бы уже в силу того обстоятельства, что сегодня многие из потенциальных инвесторов и предпринимателей сами не могут осознать себя в качестве таковых из-за отсутствия полноценной предпринимательской среды, а значит, методология нашего позитивного анализа ущербна в самой основе, поскольку не принимает в расчет то обстоятельство, что сам анализ, будучи манифестированным, способен либо увеличивать риски, либо уменьшать их. Сначала потенциальные инвесторы должны пропитаться частной инициативой и сделать свой ценностный выбор, а потом пусть аналитики займутся предсказанием их поведения и квантификацией ценностей, ибо подлинно позитивный анализ есть прогноз типичного поведения субъектов хозяйствования и оценка его последствий и вариантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принципы функционирования западной экономики обладают особым рода эзотеризмом, более того, иногда создается впечатление, что укоренившийся на Западе мейнстрим до конца не понимает преимущества своей экономической системы, а, если бы понимал и должным образом манифестировал, позитивных макроэкономических эффектов было бы, по крайней мере, меньше. Мы попытаемся воспроизвести типичную западную макроэкономическую модель в том ракурсе, который позволит лучше понять представленную в статье идею. Побочная цель данной главы состоит в том, чтобы предложить некий противовес, по нашему мнению, слишком резкому идеологическому крену в сторону китайской экономической модели, пользующейся среди белорусской интеллигенции столь большой лояльностью, что в пору говорить о китайском соблазне, сопоставившем с тем соблазном, который некогда представлял собой Советский Союз для французской и итальянской интеллигенции.

С внешней стороны может показаться, что в западной экономической модели степень воздействия государства на экономику значительно меньше, чем в КНР или постсоветских странах. Но при ближайшем рассмотрении всё оказывается иначе. Степень воздействия государства на экономику и удельный вес присутствия государства в экономике находятся друг относительно друга в параболической зависимости, а именно: по мере усиления удельного веса государственного сектора в экономике всегда находится точка, достигнув которой степень воздействия государства на экономическую жизнь начинает уменьшаться.

В административно-командной системе нет макроэкономики в том смысле, как понимал ее основатель макроэкономики Дж.М. Кейнс. Раздираемое на части различными крупными лоббистскими группировками, государство вынуждено проводить корпоративную стратегию. И это в лучшем случае, как в Китае. Но даже китайское правительство обладает гораздо меньшей степенью свободы в воздействии на экономическую жизнь страны, нежели американское консолидированное правительство. Например, КПК не может отменить эскалацию экономического роста в стране, и, если мир не будет готов наращивать потребление китайских товаров в том же темпе, в каком происходит экономический рост в этой стране, китайским коммунистам придется сделать ставку на внутренний рынок. А может ли кто-нибудь хотя бы приблизительно предположить, какие проблемы вызовет рост богатства китайского общества для самого китайского общества? Чего захочется разбогатевшим китайцам? Отмены запрета на рождаемость? Сокращения чудовищной рабочей недели (до 55 часов в неделю)? Свободных выборов? Поистине, китайская Культурная Революция с ее хунвэйбинами может ретроспективно возыметь образ революции в общем-то культурной по сравнению с теми событиями, которые ждут Китай и великий китайский народ, стремительно взбирающийся на вершину пирамиды Маслоу.

Пастух, пасущий стадо, может им управлять лишь до тех пор, пока стадо не достигнет критических размеров. Если стадо слишком велико, пастух вынужден будет идти туда, куда направляется стадо, то есть будет лишь частью его, выполняя одну только охранную функцию. Государство, чтобы управлять экономикой, должно соблюдать дистанцию между собой и экономикой, не смешиваясь с нею, ограничивая свои функции строго установленными рамками. Так, например, в Соединенных Штатах мы наблюдаем устойчивую и неслучайную изменчивость макроэкономических стратегий. Попеременно обществу предлагается та или иная экономическая политика, в одно время рестрикционная, представленная республиканской партией, в другое время экспансионистская, составившая миссию демократической партии. Не всегда, но в большинстве случаев в Соединенных Штатах к власти приходит республиканская партия тогда, когда уместна рестрикционная экономическая политика. И не иначе как по принципу предустановленной гармонии демократическая партия приходит к власти в США в большинстве случаев тогда, когда в стране уместна экспансионистская макроэкономическая политика. Мы это называем внесознательной дискрецией, а именно: если бы вместо этого политико-экономического цикла в американской экономике правил некий кейнсианско-неоклассический синтез, практикующий хрестоматийную макроэкономическую дискрецию, так что во время рецессии *сознательно* осуществлялась бы экспансионистская макроэкономическая политика, а во время спекулятивного бума *сознательно* проводилась бы рестрикционная политика, позитивный эффект был бы меньшим в силу наличия в развитой экономике открытых Р. Лукасом разрушительных рациональных ожиданий. А вот режим внесознатель-

ной дискреции блокирует деструктивный эффект рациональных ожиданий, но и вуалирует истинную суть западной экономической системы.

Основу стабильности западной макроэкономической модели составляет большой макроэкономический кругооборот, действенный благодаря разграничению сфер компетенций центрального правительства и центрального банка и спецификации отдельных макроэкономических оборотов – финансового капитала, производительного капитала, денежных доходов. Довольно мощным инструментом проводимой там денежно-кредитной политики являются операции на открытом рынке. Желая уменьшить количество денег в экономике, центральный банк продает государственные облигации на вторичном рынке (политика дорогих денег); напротив, желая увеличить количество денег высокой эффективности в экономике центральный банк скупает государственные облигации (политика дешевых денег).

Цена облигации обратно пропорциональна процентной ставке. Стало быть, при возрастании цены бумаг государственного долга процентная ставка непосредственно понижается. Данный феномен можно назвать эффектом отражения. Так, например, осенью 2008 года, в разгар финансового кризиса в США, резко возрос спрос на американские ГКО, возрос столь резко, что одно время (октябрь 2008 года) норма доходности по американским ГКО была отрицательной. На этом фоне становится понятным резкое усиление американского доллара именно в то время, когда американская экономика находилась в разгаре экономического кризиса. Если бы потоки продаваемых и покупаемых на открытом рынке США государственных облигаций были меньше, ситуация в экономике США оказалась бы гораздо сложнее. Получается, что стабильность макроэкономической ситуации в США ограничена величиной государственного долга США сверху и снизу: сверху – эквивалентностью Рикардо, но и снизу, поскольку малый государственный долг США не дал бы возможность ФРС проводить эффективную макроэкономическую политику.

Здесь опять-таки фиксируется эзотеризм западной макроэкономической модели, ибо, *хотя для проведения эффективной ДКП на открытом рынке нужен большой государственный долг, его достаточно большая величина не должна таргетироваться, так как это вызвало бы различного рода негативный эффекты*. Так и выходит, что международные западные институты, например, делая упор на необходимости иметь бездефицитный государственный бюджет, навязывают развивающимся странам во многом иной политико-экономический уклад, чем тот, что имеется на Западе, по-видимому, сами того не сознавая. Массовое доверие к американской экономической системе позволяет почти всем развитым странам иметь солидный *внутренний* государственный долг. Взаимное доверие – основная ценность западной экономической системы. Ф. Фукуяма: «один из важнейших уроков экономической жизни заключен в том, что благополучие нации, как и ее способность к конкуренции, обусловлено единственной всепроникающей культурной характеристикой – уровнем доверия, присущим данному обществу» [3, 129]. Если бы американское государство имело бы на своем иждивении множество предприятий частного сектора, уровень доверия к нему было бы гораздо меньшим, а стало быть, и возможности макрорегулирования. Западное государство, и в особенности американское государство, умеет ограничить свою компетенцию сферой производства общественных благ, тех благ, который рынок производить не может. Тем самым оно не стоит над рынком, а участвует во всеобщем разделении труда. Мы упоминаем об этом, чтобы избавиться от дилеммы рынок – государство, ибо теперь у нас укоренен стереотип, согласно которому ошибочно полагается, что ровно в той степени, в какой государство отступает, в такой степени наступает рынок. Нет, есть еще такой экономический фактор, как доверие (credit), который, будучи институционализированным, способен не в меньшей мере укрощать рыночную стихию. Доверие, принимая в макроэкономическом поле форму долговременных активов, то есть тех активов, которые не уничтожаются при потреблении, оказывается самым весомым фактором, обеспечивающим силу и стабильность национальной валюты. И когда нам приходится слышать согласный хор экономистов, выводящий леймотив, что не вечные ценности, а только уровень производства материальных, конечных благ (тех благ, которые уничтожаются при потреблении) способен обеспечивать стабильность финансовой системы страны, нам видятся апокалиптические картины. Для нас это означает одно: экономический кризис проник в экономическую теорию и основательно там поселился.

Итак, массовая продажа акций и недвижимости приводит к повышению спроса на ГКО; повышение спроса на ГКО непосредственно понижает процентную ставку (что побуждает и центральный банк снизить учетную ставку процента); понижение процентной ставки в экономике ведет к

восстановительным процессам, происходящим в недрах экономики и до времени незаметным. Так работает большой макроэкономический кругооборот в западной экономике (*метакругооборот*, выражаясь терминологией Евстигнеевых). Имеет смысл смоделировать ситуацию, определяемую отсутствием большого макроэкономического кругооборота. В этом случае деньги, высвобожденные от продажи акций и недвижимости, искали бы более надежный источник ликвидности, и, не находя государственных облигаций, они вкладывались бы, например, в иностранную валюту или драгоценные металлы. Национальная валюта оказалась бы под ударом, процентная ставка повысилась бы, повышение процентной ставки вызвало бы новую рецессионную фазу, и в результате экономический кризис приобрел бы каскадный и гораздо более глубокий характер.

Таковы обстоятельства функционирования постсоветской экономики. Хроническое недоверие субъектов хозяйствования к постсоветским государственным структурам приводит к узости рынков государственных облигаций постсоветских стран. В результате принцип макроэкономического отражения отсутствует. И когда в постсоветских экономиках наступают смутные времена, у консолидированного правительства нет возможности понизить процентную ставку (в частности, чтобы не растерять банковские вклады), и это затягивает выход из экономического кризиса.

Нам следует стремиться к тому, чтобы создать большой макроэкономический кругооборот, обладающий антикризисным потенциалом отражения. То есть, сделать так, чтобы энергия денежного сжатия, которое характерно для рецессионного разрыва, не вылилась в бегство от национальной валюты и уход денег высокой эффективности из экономики, а поглощалась альтернативными сегментами макроэкономики. Иными словами, консолидированное правительство в ответ на рецессию должно иметь возможность так увеличить эффективный спрос, чтобы это не вызвало появления инфляционной спирали. И Банк капитала, вместе с прилегающей к нему территорией, обеспечит эту возможность.

Нашей стране нужен экономический либерализм, и, полагаем, он вполне совместим с идеологией сильного государства. Пусть это будет не стратегия Сталина, а стратегия Петра Первого, сумевшего и противоборствовать Западу, и взять от него все лучшее. Нам надо сделать еще больше: взять у Запада то, что составляет всю его суть и чем делиться он ни с кем не хочет. Взять и усвоить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евстигнеева, Л.П. / Л.П. Евстигнеева, Р.Н. Евстигнеев. // Вопросы теории экономической трансформации в России: сб. науч. ст. – Москва, 1999.
2. Кейнс, Дж.М. Избранные произведения: пер. с англ. / Дж.М. Кейнс. – М.: Экономика, 1993. – 518 с.
3. Фукуяма, Ф. Доверие. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Ф. Фукуяма; под редакцией В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с.

BANK OF CAPITAL

K.K. SHEBEKO, O.A. ZOLOTARYOVA, A.A. MINCHENKO

Summary

The idea that it is necessary to increase national economy monetization ratio by means of introduction of long use assets in turnover, simultaneously giving them additional degree of liquidity, is grounded in the article. Bank of capital essence is to specify capital turnover in the country. Bank of capital specific character as a third sovereign macroeconomic subject is fixed in peculiarities of money resources attraction, and also in the analysis of investment projects which should take into consideration willingness degree of potential investors.

© Шебеко К.К., Золотарева О.А., Минченко А.А.

Поступила в редакцию 1 декабря 2009г.